

Глава 15

— Почему так потемнело? — шмыгнув носом, спросил Ван Сюань.

— Тут и так было не особо светло... — Гоудань осекся, охваченный паникой. — Беда! Кажется, дождь собирается.

В его голосе отчетливо слышался страх: если на дне колодца наберется слишком много воды, а они так и не выберутся...

— Если зальет, мы же сможем просто всплыть? — наивно предположил Ван Сюань.

— Всплыть?! Да разве получится? Колодец же глубоченный! Разве за один дождь он заполнится доверху, глупый? — Гоудань отчаянно заметался на крохотном пятачке. Вдруг он резко прижался к стене колодца и крикнул: — А ну лезь мне на спину, потом на плечи! Быстрее!

Первые капли уже сорвались сверху, тяжело шлепая по лицам и волосам. В кромешной темноте Ван Сюань с трудом взобрался Гоуданю на спину и... замер, не зная, что делать дальше.

— Да карабкайся же ты! Чего застыл? Быстрее, ты тяжелый, я долго не продержжусь! — отчаянно сипел Гоудань, присвистывая щербатым ротиком.

Оказавшись на плечах товарища, перепуганный Ван Сюань расплакался. Он попытался дотянуться повыше, но ноги скользнули по мокрой одежде, и оба мальчишки с маху рухнули в грязь.

К счастью, в темноте они не видели, в какое непотребное состояние пришли: оба с головы до ног были измазаны скользкой жижей. Кое-как утерев лица, мальчишки упрямо повторили попытку.

Несколько раз Ван Сюаню удавалось твердо встать на плечи друга, но мокрые, ослизлые стенки колодца не давали никакой опоры — пальцы просто соскальзывали. В конце концов силы Гоуданя иссякли, и они снова повалились на дно.

Сердце Гоуданя бешено колотилось от ужаса. Сил больше не оставалось ни у него, ни у Ван Сюаня. Если они не утонут, то просто умрут здесь с голоду. Зачем, ну зачем он полез орать в этот проклятый колодец? Не сделай он этого, Ван Сюань не налетел бы на него и они не ухнули бы в эту дыру...

Да что там колодец — вообще не надо было сегодня из дома выходить!

Гоуданя захлестнуло позднее, горькое раскаяние. Почему он не послушался отца?

Ван Сюань снова вцепился в него и громко разрыдался. Гоудань же, пропустив его всхлипы мимо ушей, принялся елозить в грязи на корточках, сантиметр за сантиметром ощупывая пространство вокруг. Раньше они метались вслепую, а теперь нужно было действовать осмотрительно. Дно колодца оказалось гораздо шире, чем его горловина. Странно: когда они упали, здесь почти не было воды. Может, в дне есть брешь и вся влага уходит в землю?

Гоуданю эта мысль показалась здоровой. У его бабушки кадушка для воды точно так же дала течь, после того как он запустил в нее камнем.

Но в вязкой жиже пальцы не находили ничего, кроме липкой глины. Ван Сюань мертвой хваткой вцепился в резинку его штанов и, жалобно хныча, повсюду следовал за ним хвостиком. Гоуданю было не до его капризов.

Вода тем временем прибывала, колодец медленно заполнялся. Стены на ощупь оставались безнадежно скользкими. Отчаявшись, Гоудань поднялся на ноги и принялся изо всех сил прыгать на месте, заставив подняться и Ван Сюаня.

— Прыгай! — скомандовал он. — Топай сильнее!

— Ха-ха-ха! Брат Гоудань, мне вода прямо в рот попала! Тьфу, какая гадость! — Ван Сюань, только что умывавшийся слезами, вдруг нашел в этом топтании по лужам забавную игру и мгновенно повеселел.

Гоудань лишь молча стиснул зубы.

Его ужасно раздражала эта переменчивость — сущий плакса! Сам Гоудань, разумеется, напрочь забыл, что еще пару минут назад ревел от страха ничуть не тише. Прыгать в прибывающей воде становилось все труднее, брызги летели во все стороны, и очень скоро оба пацана вымокли до нитки, став похожими на облезлых цыплят.

Гоудань и сам не понимал, зачем затеял это, но чутье подсказывало: если они будут посильнее топтать, то, возможно, провалятся сквозь ненадежное дно вместе с уходящей водой.

— Ха-ха... Апчхи! Апчхи! Брат Гоудань, мне холодно...

Гоуданя тоже трясло от озноба. Он лишь крепче стиснул зубы и продолжил иступленно прыгать.

Внезапно земля под ногами поддалась. Гоудань почувствовал, как проваливается, и не успел он наклониться, чтобы ощупать брешь, как с громким хлопаньем ухнул вниз. Падая, он инстинктивно взмахнул руками и увлек за собой жавшегося к нему Ван Сюаня.

Они покатились куда-то в темноту, а вслед за ними с шумом хлынул поток мутной глиняной жижи, окатив их с головы до ног. Отплевываясь и утирая грязные лица, они замерли.

— И правда... дырявый, — ошеломленно пробормотал Гоудань, ощупывая себя в темноте.

Голова у него шла кругом. Ну и ну! Какому чудаку пришло в голову так копать колодец? Сделай кто-нибудь такое в их деревне — бригадир за подобную халтуру живо лишил бы всех рабочих баллов!

Он вытянул руку вперед, но пальцы поймали лишь пустоту. Ван Сюань снова чихнул и испуганно прошептал:

— Брат Гоудань, где мы? Почему тут так темно?

Гоудань промолчал, и младший забормотал себе под нос:

— Может, это гигантская крысиная нора? Интересно, а крысы тут водятся?.. Большая, наверное, нора.

Они провалились еще глубже. Надежда выбраться наверх таяла на глазах. Даже если взрослые хватятся их и придут искать, как они догадаются спуститься сюда? Они ведь не крысы, чтобы лазить по подземным лазам.

Гоуданю нестерпимо захотелось разрыдаться в голос, но он сдержался. Какой толк плакать в этой сырой глуши? Отец все равно не услышит.

— Давай на ощупь двигаться. Вдруг где-нибудь есть выход, — предложил Гоудань.

— Мне страшно! Я один никуда не пойду! — Ван Сюань вцепился в его руку, а затем и вовсе обхватил обеими руками, точно клещами, боясь, что названный брат бросит его здесь одного.

Раз уж тот наотрез отказывался отпускать его, пришлось идти вместе. Да и самому Гоуданю, честно говоря, было жутко оставаться в одиночестве.

Он осторожно сделал шаг вперед. Вроде бы твердо. Сделал второй — под ногами снова оказалась ровная почва.

Поняв, что под ногами нет провалов, Гоудань осмелел. Он сделал еще несколько шагов и убедился: это подземное пространство куда просторнее колодца. В надежде поскорее отыскать выход он прибавил шагу, но внезапно наткнулся на невидимый в темноте уклон. Равновесие было потеряно мгновенно, и оба мальчика кубарем, точно два грязных клубка, покатились вниз по крутому склону.

Теперь от их прежней одежды не осталось и следа — сплошная корка из сырой земли и глины. Настоящие замарашки.

Они катились долго, то и дело с глухими ударами налетая на невидимые выступы. Голова шла кругом, мир завертелся в безумной пляске. Внезапно сквозь этот грохот до них донесся странный звук — будто где-то провернулся тяжелый металлический механизм. И в то же мгновение вспыхнул свет.

— Ой! — вскрикнули оба и в неописуемом ужасе отпрянули назад, едва не растеряв остатки духа.

Прошло несколько томительных секунд, прежде чем Ван Сюань робко подергал Гоуданя за рукав:

— Брат... Брат Гоудань, смотри, рассвело!

— Да оно и так день был, когда мы падали, — прожил Гоудань, потирая ушибленный бок.

Он осмотрелся. Все пространство вокруг было усыпано гладкими круглыми булыжниками. Подняв глаза к источнику света, Гоудань опешил:

— Надо же, как близко солнце... Или это не солнце?

— Не знаю, — прошептал Ван Сюань.

Маленькие деревенские мальчишки, разумеется, ничего не знали о законах оптики и никогда в жизни не видели подобных вещей. Над их головами было зафиксировано отполированное до блеска медное зеркало, которое они приняли за крошечное светило.

Впрочем, забивать себе голову сложными загадками они не стали. Главное, что вокруг больше не стояла непроглядная тьма, которая еще немного — и свела бы их с ума. В полумраке страх немного отпустил их.

Почувствовав себя увереннее при свете, Ван Сюань осмелел и, резво шлепая босыми ногами по камням, убежал вперед. Гоудань даже не успел его окликнуть. Но не прошло и минуты, как младший примчался обратно и, прижавшись к самому уху Гоуданя, испуганно зашептал:

— Брат Гоудань, там... там кто-то есть! Человек!

У Гоуданя мгновенно волосы на затылке встали дыбом. Человек? Здесь, глубоко под землей? Неужели еще какой-то бедолага провалился, как и они?

— Кажется, он какой-то странный, — продолжал шептать Ван Сюань. Страх его понемногу угасал — сказывалось присутствие старшего товарища и мягкий свет сверху.

— С чего ты взял, что странный? — быстро спросил Гоудань, так резко повернув голову, что в шее болезненно хрустнуло.

Ван Сюань округлил глаза. Его грязная забавная мордашка сейчас так напоминала испуганного котенка, что пририсуй ему усы — он бы точно жалобно замыкал. Немного подумав, он серьезно ответил:

— Ну... он совсем на нас не похож.

Объяснить точнее он не мог: в их деревне Сикань точно никто так не выглядел.

— Пойдем, я покажу! — потянул он друга за руку.

Гоудань уперся ногами в камни. А вдруг это злой человек? Вдвоем им с ним не справиться — у них теперь даже того ржавого ножика не осталось. Ван Сюань тянул его изо всех сил, но сдвинуть с места не мог и лишь недоуменно хлопал глазами.

— А что он делает? — шепотом спросил Гоудань. — У него есть клыки? Или, может, он нож точит?

Мальчишкам часто рассказывали сказки про подземных чудищ, которые крадут непослушных детей, точат длинные тесаки и лакомятся человечинной.

— Вроде бы у него есть длинный меч, — Ван Сюань развел руки в стороны, показывая размер.
— Но он сам... как будто... — Он замыкался, не в силах подобрать нужные слова.

— Что?! Настоящий меч? Всё, туда точно соваться нельзя, надо скорее уносить ноги!

— Но почему? — удивился Ван Сюань.

— Да тише ты! — Гоудань готов был лопнуть от злости и страха одновременно. — Услышит ведь, придет и сцапает нас!

— Да он... он вроде бы совсем не двигается...

— В смысле — не двигается?

Ван Сюань втянул голову в плечи и указал пальцем на огромный валун неподалеку:

— Он там, прямо за этой скалой.

Гоудань мертвой хваткой вцепился в друга и потащил его как можно дальше от злосчастливого валуна. Но освещен пятачок был лишь в одном месте, а вокруг раскинулась зловеющая, непроглядная тьма, соваться в которую было еще страшнее.

В обычной жизни Гоудань слыл отчаянным сорванцом и трусом никогда не был, но череда сегодняшних бедствий совершенно подкосила его. Деревенский мальчишка, который за всю свою недолгую жизнь лишь раз выбирался за околицу — в центральную усадьбу народной коммуны, — впервые почувствовал, что его жизнь висит на волоске. Это было невыносимо жутко. Теперь он готов был проявить небывалую осторожность, лишь бы вернуться домой целым и невредимым...

В итоге ребята уселись поодаль на округлые булыжники. Страх сковывал их движения, но и идти им было некуда: дорогу назад они потеряли, а впереди караулила лишь глухая тьма.

Голодные, измученные, наплакавшиеся до икоты, в промокшей холодной одежде, они начали сдавать силы. Первым не выдержал Гоудань — его глаза стали слипаться, и он начал клевать носом.

Вскоре оба мальчика обессиленно повалились на жесткие округлые камни и уснули мертвым сном. Они не заметили, как висевшее над ними рукотворное «солнце» постепенно поблекло, пока наконец холодная тьма вновь безраздельно не воцарилась в подземелье.

Пока дети спали без задних ног, они и не подозревали, что их исчезновение подняло на уши всю деревню Сикань.

Ли Сы исходил избу шагами, то и дело выбегая на порог. Сгустились сумерки, затем окончательно стемнело, а сына все не было. Сердце отца сжималось от недоброго предчувствия, особенно когда он вспоминал, куда именно Гоудань собирался пойти утром.

Не выдержав, он бросился к старому старосте деревни, чтобы одолжить электрический фонарик: без света ночью в горах делать было нечего.

Его Гоудань, хоть и рос сорванцом, всегда отличался сообразительностью и никогда не загуливался допоздна. Даже уходя далеко от дома, он неизменно возвращался дотемна. А тут еще этот тихий Ван Сюань с ним... В голову лезли самые мрачные мысли. Ли Сы отчаянно убеждал себя, что мальчишки просто сбились с пути и заплутали — о худшем он боялся даже помыслить.

— Что ты говоришь?! Гоудань до сих пор не вернулся? Куда же его понесло? — Старый староста, услышав новость, не на шутку встревожился.

— Он... он еще утром говорил, что пойдет на гору Скошенной Вершины, — с трудом сдерживая дрожь в голосе, выговорил Ли Сы.

— Да как же ты, отец, за ним не углядел-то? — всплеснул руками староста. — На гору Скошенной Вершины! Пусть там и стоят развалины старого храма, но ведь те места примыкают к глухим таежным хребтам. Как можно было отпускать туда малых детей?

Да и само урочище у даосского храма исстари пользовалось дурной славой. Место непростое: там вечно ни с того ни с сего поднимался ветер и налетал дождь, причем только над самой вершиной, когда внизу стояла сушь. Старики поговаривали, будто гору оберегают незримые духи. Но кто знает, божество там обитает или какая безбожная нечисть?

«Сладу нет с этой молодежью, совсем страх потеряли», — мысленно вздохнул старый староста. Впрочем, глядя на почерневшее от горя лицо Ли Сы, бранить его сильнее он не стал.

— Ладно, не горюй раньше времени. Пойду поспрашиваю у соседей, может, еще у кого фонарь найдется — в нашей деревне это редкость. И мужиков кликну, вместе пойдем.

В ночном лесу толпой сподручнее, мало ли что может приключиться в темноте.

Вскоре староста собрал поисковый отряд. Нашлись три дефицитных фонарика, остальные мужики вооружились факелами из просмоленной бересты. Выйдя за околицу, они двинулись к горе, оглашая ночную тишину криками:

— Гоудань! А-Сюань! Отзовитесь!

Но ответом им было лишь глухое лесное эхо. С каждым часом надежда Ли Сы угасала. Ноги его подкашивались, несчастный отец давно сорвал голос, выкрикивая имя сына, и едва брел, поддерживаемый односельчанами.

— Гляньте-ка, земля и трава здесь совсем мокрые, — заметил один из добровольцев, посветив под ноги. — Похоже, недавно прошел сильный дождь.

— Дождь? Да у нас в низине за весь день ни капли не упало!

— Я же говорю, место чудное. В деревне солнце светит, а здесь в любой момент может ливануть.

— Эй, мужики, сюда! Кажется, тут что-то есть! — раздался громкий окрик из темноты.

Все бросились на зов. На небольшой поляне, лишенной травы, сиротливо лежала горка диких абрикосов, холщовый мешок и охалка свежесрезанных бамбуковых побегов.

Омытые недавним дождем плоды тускло поблескивали в лучах фонарей, точно крупные капли росы.

Ли Сы, расталкивая остальных, бросился вперед и упал на колени перед находкой.

— Это вещи моего Гоуданя! Этот мешок я сам ему сшил из старой мешковины... Точно, его! Сын мой, где же ты?!

Крупный, изможденный работой мужчина разрыдался в голос, прижимая к груди мокрую ткань. Поисковики хмуро переглянулись, лица их посуровели. Одно дело, если бы дети просто заблудились в сумерках — тогда они бы не бросили собранную добычу. Но брошенные вещи говорили о том, что случилась беда.

— Полно тебе, Ли Сы, — тихонько тронул его за плечо один из соседей. — Давай не будем загадывать раньше времени. Надо искать дальше.

Мужики принялись прочесывать каждый метр зарослей. Вскоре неподалеку от бамбуковой рощи они обнаружили плетеную корзину, наполовину наполненную сочными побегами. Но больше — ничего. Никаких следов.

Они обошли все руины древнего даосского храма, заглядывая под каждую полуразрушенную стену и оглашая криками окрестности. Тщетно — им отвечал лишь завывающий в кронах ветер.

Ли Сы казался помешанным. Никто в деревне не ожидал от этого вечно робкого, безответного человека такого яростного, отчаянного упрямства. Он метался среди колючих кустов, раздирая руки в кровь.

Впрочем, поисковики обшарили весь холм и не нашли ни капель крови, ни клочков разорванной одежды. Версия о том, что на детей напало дикое зверье, казалась маловероятной — хищники вряд ли утащили бы двоих разом, не оставив ни единого следа борьбы. Но куда тогда могли деться два живых человека?

Лучи фонариков начали тускнеть, батарейки садились, испуская слабый желтоватый свет. Глядя на обезумевшего от горя Ли Сы, который бережно прижимал к груди рассыпанные абрикосы, староста вздохнул:

— Ли Сы, надо возвращаться. В темноте мы только сами шеи переломаем. Рассветет — созовем всю деревню и начнем сначала.

Мужики силой увели упирающегося отца обратно. Все понимали: завтра поиски возобнятся с новой силой. Деревенские твердо решили отыскать пропавших ребят во что бы то ни стало — живыми или мертвыми. Если случилась беда, нужно хотя бы предать их тела земле по всем правилам.

<http://bllate.org/book/19654/1963912>